

ВОЛК И ЛУНА

Полная луна прежде всегда приносила в его душу покой. Но, глядя с крыши на погруженный во тьму Лондон, Эндамон Кроу думал о том, что сейчас она скорее похожа на наводящий ужас фонарь, с помощью которого Смерть освещает потаенные уголки города в поисках тех, кого она готова забрать.

Вдалеке под облаками слышалось глухое низкое гудение, как будто бормотал какой-то великан, пытаясь произнести новые имена Смерти на языке, гораздо более знакомом Кроу, чем английский, на котором он разговаривал вот уже две сотни лет. «Хейнкель», «Дорнье», «Юнкерс»... Смерть, снабженная крыльями и моторами, надвигалась при лунном свете, помогавшем бомбардировщикам.

Кроу десятилетиями наблюдал за тем, как менялось освещение лондонских улиц: от слабого тления первых газовых светильников — к пронзительному горению дуговых ламп, а затем — мягкий серебристый свет, заливавший вечерний город в последние предвоенные годы. Теперь же Лондон был погружен в прежнюю тьму, лишь лунный свет отражался от городских крыш, будто от поверхности огромного озера. Эта картина отозвалась болью у Кроу внутри. Человечество, занятое древней игрой под названием разрушение. Он поднял руку.

— Остановитесь, — сказал Кроу. — Поворачивайте обратно. Используйте свою отвагу для любви, а не для ненависти.

Однако он не был волшебником, и гудение авиационных двигателей становилось все громче.

— Что-нибудь еще, сэр?

За спиной у него стоял старик во фраке, с трудом удерживавший бутылку на подносе, трясущемся в его руках. Хотя Кроу всячески стремился сделать свой дом современным, он до сих пор не мог представить себе жизни без посторонней помощи. В глубине души он так и остался феодалом.

— Еще виски, — ответил Кроу.

Старик взял его стакан, поставил на поднос и налил напиток дрожащей рукой. И дрожала она не от старости, а от страха.

— Я пойду к жене, сэра, — сказал дворецкий. — Она сейчас в убежище и...

Кроу встрепенулся, точно человек, внезапно сообразивший, что оставил зонтик в поезде.

— Мой дорогой Жак, простите меня, — торопливо произнес он. — Я совершенно забыл... Конечно, идите к ней и захватите с собой оставшийся виски. В такую ночь, как эта, человеку необходим источник мужества.

— Это последняя бутылка, сэра, — предупредил его дворецкий.

Кроу лишь махнул рукой — его обычный пренебрежительный жест — и улыбнулся.

— В такие времена мы все должны в чем-то себе отказывать.

Старик удалился. Кроу задумчиво смотрел с Крумс-Хилл в сторону Темзы и вспоминал *свою* возлюбленную, Адислу, умершую очень-очень давно. Суждено ли ей возродиться сегодня ночью где-то на другом конце света или, может быть, она погибнет под ударами бомб, вызывая к нему в последний момент где-то на границе слышимости? Кроу запомнил ее сидящей на склоне холма у фьорда, с головой, окруженной ореолом серебристых, подсвеченных солнцем волос. А что же было потом? Путаница картин из разных столетий, беспорядочных и бессмысленных, которые вспыхивали на мгновение в его сознании, чтобы угаснуть и уйти в небытие. Кроу любил Адислу и понимал могучую власть этого чувства, которое, точно бурное приливное течение, толкало его к ней через века. Но значение этой любви и какие-то подробности, детали

лишь мелькали у него в голове, неуловимо ускользая в последний миг.

Тысяча лет трансформаций, когда волк в нем то просыпался, то затихал. Сознание Кроу напоминало клинок, разбитый вдребезги, но потом собранный по кусочку, отправленный в переплавку и вновь выкованный. Это по-прежнему был клинок, но тот ли, что прежде был сломан? Кроу вспомнилось долгое время, проведенное в подземелье, где на свободу вырвался волк, — вонь, исходившая от заключенных, и ужас тех, кто пытался ему противостоять. Но почему он там очутился и что делал, оставалось для него тайной. Кроу знал языки, хоть и не помнил, чтобы когда-то на них говорил; он воспроизводил в памяти строчки стихов или фразы из разговоров пятисотлетней давности, но не мог бы сказать, кто это произнес, и вообще, к кому были обращены эти слова. Сквозь тысячелетие в его памяти всплывали какие-то мелкие мало-значительные детали: луна, видневшаяся сквозь дырявую крышу разрушенной церкви, скаковое седло викингов... Но канва жизни Кроу в те времена была утеряна. Неизменной оставалась только она, Адисла, и его тяга к ней, словно к маяку в хаосе мыслей. Кроу думал, что, если и это вдруг исчезнет, он так и останется всего лишь диким зверем — не имеющим цели созданием, отрешенно, без чувств и понимания наблюдающим за тем, как восходит и садится солнце, как приходят и уходят правители.

Смерть всегда следовала за ним, это он помнил — искаженные ужасом лица, молотившие его кулаки, удары копий, не наносившие ему никакого вреда, мечи, отскакивавшие от его кожи. Скольких он убил, разыскивая ее? Кроу сделал еще один большой глоток виски, пускаясь в древнюю азартную игру пьяниц; выпивка в любом случае ему поможет — либо вспомнить, либо забыть.

Сирены затянули свою заунывную песнь, тьму ночи прорезали лучи прожекторов, высматривающие врага; пятна света напоминали маленькие луны, кружившие вокруг Луны-матери. Через мгновение появились вспышки. Прожектора поймали самолет наведения. В Лондон на парашютах полетели

огромные горящие свечи, по-своему прекрасные, будто спускающиеся на землю ангелы; своим белым светом они озарили темные уголки города, куда не добиралась луна. Эти огни превратили реку в сияющую магистраль, указывающую путь бомбардировщикам.

В ход пошла противовоздушная оборона. Выстрелы пушек «Бофорс» напоминали стук назойливого, не собирающегося уходить посетителя, который молотит кулаком в дверь; высоко в небе взрывались снаряды зениток. На землю полился дождь зажигательных бомб, и по берегам вдоль реки расцвели белые лилии ослепительно ярко горящего фосфора.

А затем появилась и основная группа налета; темная масса стаи бомбардировщиков показалась в серебристом свете, пролетая на фоне луны: в детских сказках так обычно изображают полет ведьм.

Упали первые бомбы — это трусливые летчики сбросили свой смертоносный груз раньше времени, на Шутерс-Хилл, Тэмсид и Ирит, не доходя до плотного огня зениток, защищавших порт и доки. Далекое *бах, бах, бах* напоминало поступь идущего по снегу великана, каждый шаг которого отмечается языками пламени.

Однако бóльшая часть немцев не теряла самообладания и добиралась до своих целей. Кроу знал их на протяжении многих поколений как настоящих, смелых воинов. В течение долгих столетий своей жизни он много раз сражался — как на их стороне, так и против них. И немцы неизменно производили на него сильное впечатление.

Полыхающий город представлял собой завораживающее зрелище: зеленые, красные, оранжевые и синие огни зажигались на земле, словно цветы в летнем саду. Кроу рассеянно начертил пальцем в воздухе знак, похожий на наконечник стрелы, — руну Кеназ. У викингов это было символом возрождения в огне, который Кроу познал тысячу лет тому назад, когда был стражником короля Свена Вилобородого из Ригира. Он передернул плечами. Вокруг него что-то менялось.

Теперь враг был у Кроу над головой. С помощью слуха и обоняния он ощущал странные толчки, когда взрывы бомб

нагнетали на него волны горячего воздуха и в разреженном пространстве пожаров закручивались неестественные водовороты пламени.

Кроу обратился к Смерти.

— Ну же, давай, — сказал он на древнем, забытом языке, — вот он я. Неужели ты меня не слышишь? Неужели не видишь? Это же я, твой слуга.

Но он был не нужен Смерти. Ей нужна была семья Дэвисов, прятавшаяся под лестницей дома номер шестнадцать: мистер Дэвис, который только что выглянул проверить, как там остальные, миссис Дэвис, их дети и даже пес Плуту. Смерти нужна была недавно сочетавшаяся браком миссис Эндрюс из дома номер четыре с ее забавными историями и обаятельной улыбкой. Смерти нужен был старый мистер Парсонс из дома двадцать три, тот самый, что убил девочку, а всем сказал, что она убежала; тот самый, что заслуживал смерти больше, чем остальные, после самого Эндамона Кроу.

— Помоги им, — сказал он, не зная, кого имеет в виду.

Древние боги его предков были бы в восторге от таких разрушений. Христос? Бог сострадания, конечно, не мог бы смотреть на это просто так, ничего не предпринимая. «Тем, кто считает богов воплощением любви, приходится умышленно игнорировать многочисленные факты», — подумал Кроу.

Он видел, как в жару этой ночи испаряются последние капли виски в его стакане, и, поддавшись импульсу, столкнул его с края крыши. Стекло полетело вниз, отражая на лету отблески пожара, словно маленький Люцифер, сброшенный с небес на грешную землю.

Когда Кроу смотрел, как стакан летит вниз и разбивается вдребезги, у него вдруг закружилась голова. Несмотря на жар от огня, ему стало холодно; от затылка вниз по спине побежали мурашки. Превращения всегда давались Кроу нелегко. Мало что сохранив в памяти из того, что происходило потом, он, по крайней мере, помнил, как все начиналось, помнил этот беспокойный подростковый ментальный зуд, когда он не понимал, что с собой делать. Не хотелось ни стоять, ни сидеть, ни остаться в доме, ни уйти; Кроу испытывал голод,